

Архитектура научного знания (анализ методологических оснований)

Мамедов А.К.

В статье анализируются логико-методологические основания социального познания. Особый интерес вызывает критический анализ устоявшегося подхода деления науки на классическую, неклассическую и постнеклассическую. Раскрывается научная ретроспектива указанных концепций, дается анализ будущих тенденций развития неклассической эпистемологии.

Ключевые слова: научное знание, познание, рациональность, социальная теория, социология знания, эпистемология.

Mamedov A.K.

The architecture of scientific knowledge (analysis of methodological grounds)

The article analyzes the logical and methodological foundations of social cognition. Noteworthy is the critical analysis of the established approach of dividing science into classical, nonclassical and post-nonclassical. A scientific retrospective of these concepts is disclosed, future trends in the development of nonclassical epistemology are analyzed.

Key words: sociology of knowledge, epistemology, cognition, scientific knowledge, social theory, rationality.

Как известно, человек (и общество в целом) нуждаются в **объективном и обоснованном** (научном) понимании реальности. Однако с давних пор, наряду с научным знанием в обществе продуцируется и используется на практике и всякого рода **ненаучное**, вненаучное, псевдонаучное, квазинаучное и даже антинаучное знание, которое тоже способно выполнять **прогностическую** функцию или, точнее, претендует на это. К числу генераторов такого знания могут быть причислены религия, искусство, мифология, всякого рода бытовые приметы, суеверия, различного рода оккультные и «эзотерические» учения, в том числе — астрология, гомеопатия, всевозможные народные «практики» гадания и многое-многое другое [4, с. 8]. И если в XIX веке наука (по крайней мере, западная) ко всем подобного рода ненаучным знаниям и познаниям относилась не только негативно, но и **непримиримо**, то, начиная примерно с середины XX в. отношение к ним сменяется сначала на более-менее **толерантное**, а к концу XX в. — уже на примирительное и даже **одобрительное**. Иначе говоря, в современном общественном сознании, в том числе и научном, граница между наукой и не-наукой все больше размывается, и наука постепенно утрачивает уже свою **«эпистемологическую исключительность и доминанту»**. Никогда еще требование «Не сотвори себе кумира» не было столь востребовано как в современной методологии знания. Тем самым, в настоящее время в научном сознании возникает и приобретает все большую остроту проблема так называемой **неклассической эпистемологии**.

Весьма характерно, что о становлении неклассической эпистемологии («неклассической рациональности») первыми заговорили не представители социально-гуманитарных наук, в которых, в силу особенностей объекта исследования, грань между строгой научностью и ненаучностью всегда была размытой, а представи-

тели «точных» наук, долгое время лидировавшие в сфере научного познания и служившие для всех остальных наук образцом самой строгой научности. Ведь именно на естествознание и его методы получения знания ориентировался основатель «позитивной науки об обществе» (социологии) О. Конт, видевший в нем идеал научности, которому должно следовать также и социально-гуманитарное познание. Однако с начала XX века уже и в самом естествознании намечается некоторое отступление от прежних регулятивных идеалов и норм. В качестве примера эпистемологического осмысления происходящих здесь сдвигов рассмотрим основные положения концепции известного мыслителя (эпистемолога) В.С. Степина, посвятившего ряд работ анализу данного феномена [14, 15, 16, 17]. Вот как описывает он, в частности, произошедший за последние три столетия эпистемологический сдвиг в профессиональном сознании ученых. «В развитии науки, начиная с 17 столетия, — отмечает он, — можно выделить три основных типа рациональности: **классическую** (17 — начало 20 вв.), **неклассическую** (первая половина 20 в), **постнеклассическую** (к. 20 в.). **Классическая** наука предполагала, что субъект дистанцирован от объекта, как бы со стороны познает мир, и условием объективного истинного знания считала элиминацию из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и к средствам деятельности. Для **неклассической** рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Образцом реализации этого подхода явилась квантово-релятивистская физика. Наконец, **постнеклассическая** рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотношение с социальными целями и ценностями» [13, с. 565].

На наш взгляд, при всем пиетете, нельзя полностью согласиться со всеми выдвинутыми им тезисами. Что касается, в частности, данной здесь характеристики «классической рациональности», то хорошо известно, что в эпистемологии Р. Декарта, например, именно врожденные субъекту

(человеку) метафизические идеи принимались **за основание** всякой научности, и их никто из картезианцев «элиминировать» из научного знания не призывал. Аналогичной была и позиция Б. Спинозы, Лейбница и многих выдающихся ученых того времени. Что же касается «соотношенности знаний с ценностно-целевыми структурами деятельности», то она всегда присутствовала в социальном и гуманитарном познании, поскольку эти структуры присутствуют **в его объекте** (человеке и обществе). Привносить же их в деятельность самого познающего субъекта (как, по-видимому, считается допустимым у представителей «неклассической рациональности»), на наш взгляд, совершенно недопустимо.

Вместе с тем, некоторые указанные особенности развития науки на протяжении трех последних веков, в общем, действительно, имели (и имеют) место. Однако интерпретация процессов познания в рассматриваемой концепции, на наш взгляд, не вполне корректна. Палитра мнений может быть гораздо шире. Представляется, что о каком-то принципиальном изменении «типов рациональности» утверждать, все-таки, нет достаточных оснований. За изменения в типе рациональности здесь выдаются изменения **в приемах и методах исследования**, вызываемых не изменениями установок самой науки, а всего лишь **особенностями объектов**, на которых направлено ее внимание. В частности (применительно к тому, что указывает и сам Степин), так называемый «классический тип рациональности» связан с исследованием привычного нам **макромира**, причем, — только **физических** объектов в нем; «неклассический тип рациональности» — с исследований объектов **микромира**; а «постнеклассический тип рациональности» — с исследованием **человека и общества**. Априори ясно, что природа этих объектов накладывает определенные ограничения на (внешние) **приемы и методы** их исследования со стороны ученых. Но явно некорректно смешивать **внешние** приемы и методы с **внутренними** установками самого научного познания, которые, все-таки **не меняются** оттого, что наука обращает свой взор на различные по своей природе объекты. Иначе говоря, на наш взгляд, не меняется ни сама рациональность науки, ни строгость ее в отношении к ненаучным методам получения знания.

Поэтому, предлагаемая В.С. Степиным (и адептами) интерпретация рассматриваемых реальных процессов научного познания нам представляется некорректной даже и с теми смягчающими оговорками, которые все-таки делаются. «Появление каждого нового типа рациональности, — уточняет автор, — не устраняет предыдущего, но ограничивает пространство его действия. Каждый из них расширяет поле исследуемых объектов (от доминирования в 17-18 вв. исследований простых, механических систем, до включения в качестве главных объектов изучения сложных, саморегулирующихся, а затем и исторически развивающихся систем). В современной, постнеклассической науке все большее место занимает особый тип исторически развивающихся систем — так называемые человеко-размерные системы, включающие человека и его деятельность в качестве составного компонента. К ним относятся объекты современных биотехнологий, в первую очередь — генной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, человеко-машинные системы и сложные информационные комплексы, включая системы искусственного интеллекта и социальные объекты. При изучении человеко-размерных объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта.... В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека» [13, с. 565].

Последнее замечание несомненно, но оно указывает лишь на ограничение допустимых здесь **методик** исследования, и отнюдь не требует каких-то изменений в самом типе рациональности, характерном для науки, и утвердившемся в ней, между прочим, отнюдь не с XVII века, как это принято почему-то полагать, а, по меньшей мере, — со времен великих эпистемологов — Платона и Аристотеля, — чей «тип рациональности» и является с тех пор для науки **классическим**. На наш взгляд, не следует преувеличивать в этом отношении вклад европейских ученых XVII и последующих веков. Они всего лишь развивали те принципы научности, которые впервые были сформулированы указанными великими «учителями человечества» (Гегель).

Это не означает, конечно, что у ученых более поздних веков нет действительно великих заслуг перед наукой и научным мышлением вообще, но следует все же оценивать их вклад по достоинству, без чрезмерных преувеличений.

Однако справедливости ради, необходимо заметить и то, что ученые, отстаивающие критикуемую нами точку зрения, могли бы привести и более сильные аргументы в пользу тезиса об изменении самого «типа рациональности» в науке последнего времени. В частности, так называемая неевклидова геометрия (во всех вариантах от Римана до Н.И. Лобачевского), а также «Специальная теория относительности» А. Эйнштейна, действительно, нарушают фундаментальный принцип научного **теоретического** познания. А именно, — принцип интуитивной очевидности **исходных постулатов**. Именно в связи с этими знаменитыми теориями и можно было бы говорить о некотором изменении **в самом типе рациональности**, свойственном современной науке. Однако наличие и **оппозиции** этим теориям, существующей в самих математике и физике (механике) с самого начала провозглашения этих теорий и до сего времени, и ставящей под сомнение саму их научность, говорит нам о том, что и полный переход научного мышления на рельсы «нового типа рациональности» признавать, как минимум, **преждевременно**. Во всяком случае, мы здесь пока имеем право говорить не о свершившемся факте, а всего лишь о серьезной эпистемологической **проблеме**. Может быть, именно поэтому указание на эти, действительно «скандальные», с рациональной точки зрения, теории и отсутствует в числе аргументов тезиса о формировании новых стандартов научности в естествознании последнего времени.

Вторым источником заявлений о наступлении эры некой неклассической эпистемологии является постпозитивистская философия науки, связанная с именами таких мыслителей как Т. Кун, К. Поппер, П. Фейерабенд и др. [7, 11, 18]. Однако и здесь некорректность интерпретации **реальных** процессов, происходящих в научном познании на протяжении двух последних веков, на наш взгляд, обусловлена тем, что позитивизм, являющийся сам по себе некоторым **отклонением** от классических принципов научного познания, заложенных, как уже отмечено, именно в античности, был произвольно при-

знания в качестве **классической** парадигмы научного познания вообще. Возникший затем (в постпозитивизме) кризис этой научной парадигмы и был интерпретирован как переход к некоему «неклассическому» типу рациональности в современной науке. На самом же деле уже сам позитивизм был «неклассической» версией научности, и его кризис (банкротство) означает лишь **возвращение к классическому** — античному — пониманию научности, а не переход к какому-то совершенно новому ее идеалу.

В самом деле, классические принципы научности, установленные в платоновско-аристотелевской эпистемологии, предполагают не один, а два основных способа конечного обоснования научного знания. Первый из них — это **интуитивная очевидность** исходных положений (понятий, аксиом и постулатов) любой (абстрактной) теории. Классической реализацией этого принципа является геометрия Евклида (вообще математика — с античности и до нашего времени). Этот принцип был более всего разработан в Академии Платона. Однако второй принцип, разработанный в основном в аристотелевской школе, требует соответствия любой теории наблюдаемым (эмпирическим) фактам. На математику (и другие абстрактные науки) этот принцип **прямо** не распространяется, поскольку все абстрактные науки развиваются независимо от эмпирических данных. Однако **косвенно** этот принцип затрагивает и абстрактные науки, поскольку их **исходные положения** (понятия, аксиомы и постулаты) устанавливаются не произвольно (как это допускается, между прочим, в рамках так называемого формализма Д. Гильберта и др.), а с **интуитивной очевидностью**, что как раз и предполагает некое общее соответствие реальному положению дел в мире. Именно поэтому теории Лобачевского и Эйнштейна и могут оцениваться как **нарушающие** этот фундаментальный научный принцип.

Но в любом случае в области неабстрактных наук, в том числе в физике, принцип соответствия эмпирическим фактам играет доминирующую роль. А принцип интуитивной очевидности здесь играет роль подчиненную, хотя и столь же фундаментальную, поскольку одним только обобщением фактов и в эмпирических науках, вроде физики, научное познание не исчерпывается и не удовлетворяется. Но именно попыткой такого (редукционистского) ограни-

чения научного познания и являлся как раз классический позитивизм (в духе О. Конта), который пытался свести научное познание лишь к его **эмпирической** составляющей. Установленная же впоследствии невозможность получения научных теорий чисто индуктивным и строго логическим путем (выведение теории из фактов) и вызвала кризис этой научной парадигмы.

В результате именно этого кризиса, — и как радикальная реакция на него — возникла известная концепция «методологического анархизма» П. Фейерабенда, потребовавшая вообще полного отказа (вот так!) от каких бы то ни было принципов научности в человеческом познании. По его мнению, признаваемые «научными» теории не обладают никакими преимуществами перед любыми другими интеллектуальными продуктами, в том числе и считающимися издавна **ненаучными** (астрология, например, или креационизм). Все и любые интеллектуальные конструкции, с этой точки зрения, **равноправны**, и единственно рациональным требованием со стороны философии науки может быть только допущение и даже **поощрение** размножения всех и любых интеллектуальных конструкций (принцип «пролиферации» идей, или — «все позволено»). Однако из этих установок и принципов прямо и однозначно следует **неправомерность** притязания самой науки как особой формы духовного производства на тот **привилегированный статус**, который был ею исторически **завоеван** и которого теперь ее призывают лишиться [18]. С чем наука, конечно, не может согласиться.

Но она не может пока и аргументированно отвергнуть все притязания постпозитивистской методологии на адекватность ее анализа природы науки и обоснованность своих выводов и предложений. В частности, она соглашается с корректностью исследования в области развития науки, представленного известным эпистемологом Т. Куном [7], доказавшим, что **реальная наука** не следует тому идеалу научности, который устанавливается в рамках классической нормативной эпистемологии, а содержит в себе и некий нерациональный (если не иррациональный) момент, в результате которого в ней периодически происходят необъяснимые скачки (переходы) от одной научной парадигмы к совершенно другой, логически не следующей из первой.

Даже придерживающийся более строгих «классических» принципов научности К. Поппер [11, с. 8-19], все-таки вынужден был признать ценность исследования Т. Куна. Однако признал лишь в качестве **верного описания** реальных процессов развития науки, но одновременно и выразил категорическое несогласие с теми **«нормативными предписаниями»**, которые могут быть из него сделаны [9, с. 283]. А именно такие «нормативные предписания» и были выведены из исследований Т. Куна П. Фейерабендом. Не вдаваясь здесь далее в детальный анализ этих сложнейших эпистемологических проблем, заметим только, что в концепции последнего, на наш взгляд, имеет место смешение двух моментов, свойственных любому процессу познания. А именно, — момента **поиска** удачной теории и момента ее **принятия** в качестве научной (то есть объективно обоснованной). Именно в рамках **поиска** теории нормативные предписания Фейерабенда являются рациональными и потому допустимыми. Но это не означает, что они могут распространяться и на стадию **принятия** (признания) той или иной «интересной» («безумной») теории в качестве научной. В его же концепции эти две стадии научного познания, на наш взгляд, не различаются и даже смешиваются в нечто единое.

Рассмотрим, наконец, еще одно — современное — представление о том, в чем состоит неклассическая эпистемология, якобы утверждающаяся в современном научном познании. Это систематически проработанное представление (за коллективным авторством института философии РАН) предлагается в качестве программного в одном из последних российских справочных энциклопедических изданий по эпистемологии [20, с. 1160-1166].

Рассматриваемая концепция излагается в виде, во-первых, систематизированного описания того, что называется «классической эпистемологией», а, во-вторых, — в виде описания самой «неклассической эпистемологии», описываемой в виде полного отрицания четырех основных «параметров» эпистемологии классической. «Можно говорить о том, — утверждают авторы, — что в последние десятилетия XX в. начала постепенно складываться неклассическая эпистемология, которая отличается от классической по всем основным параметрам. Измене-

ние проблематики и методов работы в этой области связано с новым пониманием познания и знания, а также отношения эпистемологии и других наук о человеке и культуре. Это новое понимание, в свою очередь, обусловлено сдвигами в современной культуре в целом. Этот тип эпистемологии находится в начальной стадии развития. Тем не менее, некоторые его особенности можно выделить» [20, с. 1164]. Уже из одного этого предувещевания можно заключить, что авторы исходят из понимания эпистемологии как одной из «наук о человеке и культуре», что само по себе уже некорректно. Ведь классическая эпистемология, как она была установлена в работах Платона и Аристотеля, представляет собой не науку о чем-то (и тем более не науку о человеке и культуре), а **самую идею научного знания**. Рассматривая и оценивая различные формы человеческого **знания** (мнения, гадание, верования и т.д.), эти мыслители выделили среди них знание особое — научное, — представляющее собой не просто любое случайное мнение, а мнение **объективно обоснованное** и определили его как знание истинное, то есть полностью соответствующее своему предмету. Это (философское) учение (не наука) о знании представляет собой **регулятивную идею науки**, которой обязано руководствоваться то познание, которое претендует на статус научного. Иначе говоря, любая наука должна **прежде самого исследования** своего предмета принять эту регулятивную идею, чтобы быть именно наукой, а не чем-нибудь иным. И поэтому, говорить о некой «неклассической эпистемологии» можно лишь в том случае, если кто-то предлагает отказаться от этой регулятивной идеи (идеи получения объективно обоснованного истинного знания) и заменить ее какой-либо другой регулятивной идеей, чего, как известно, никто еще после Платона и Аристотеля не предложил. А если бы и предложил, то любой здравый человеческий разум счел бы такое предложение абсурдным. При таком понимании любая неклассическая эпистемология представляется вообще и неприемлемой и невозможной, так как она несовместима с самим разумом.

Но рассмотрим, что же понимают под той и другой авторы рассматриваемой концепции?

Классическую эпистемологию они описывают через указание четырех ее основных «па-

раметров», — «критицизм», «фундаментализм и нормативизм», «субъектоцентризм» и «наукоцентризм». При этом под «критицизмом» понимается недоверие к «традиции» и всякого рода случайным и ничем необоснованным мнениям. Под «фундаментализмом» понимается требование во всяком обосновании того или иного знания исходить из чего-то самого по себе несомненного, с помощью которого и дается само научное обоснование. Под «нормативизмом» понимается требование от познающего следовать определенным принципам научности. Под «субъектоцентризмом» понимается индивидуоцентризм как апелляция познающего к самодостоверности индивидуального (личного) сознания (в духе Р. Декарта). Под «наукоцентризмом» понимается непризнание в качестве подлинного никакого иного знания, кроме научного. Все эти «параметры» (установки) в той или иной степени отрицаются, по мнению авторов рассматриваемой концепции, формирующейся якобы современной «неклассической» эпистемологией. Строго говоря, эпистемология, отрицающая саму себя и свои регулятивные принципы, утрачивает уже и само право называться именно эпистемологией и превращается во что-то другое. Но посмотрим, как трактуется это отрицание авторами рассматриваемой концепции.

«Пост-критицизм», — пишут они, — не означает отказа от философского критицизма (без которого нет самой философии), а только лишь понимание того фундаментального факта, что познание не может начаться с нуля, на основе недоверия ко всем традициям, а предполагает вписанность познающего индивида в одну из них. Данные опыта истолковываются в теоретических терминах, а сами теории транслируются во времени и являются продуктом коллективной разработки. На смену установки недоверия и поисков само-достоверности приходит установка доверия к результатам деятельности других. Речь идет не о слепом доверии, а только о том, что всякая критика предполагает некую точку опоры, принятие чего-то, что не критикуемо в данное время и в данном контексте (это может стать объектом критики в другое время и в ином контексте). Эта идея хорошо выражена Л. Витгенштейном в его поздних работах. Сказанное означает, что в коллективно выработанном знании может иметься такое содержание,

которое не осознается в данный момент участниками коллективного познавательного процесса. Такое неосознаваемое мною неявное знание может иметься у меня и относительно моих собственных познавательных процессов. В истории познания разные традиции взаимно критикуют друг друга. Это, в частности, критика друг друга разными познавательными традициями в науке: например, математической и описательной традиций в биологии. В процессе развития знания может выясниться, что те познавательные традиции, которые казались полностью вытесненными или же отошедшими на периферию познания, обнаруживают новый смысл в новом контексте. Так, например, в свете идей теории самоорганизующихся систем, разработанной И. Пригожиным, выявляется современный эвристический смысл некоторых идей древнекитайской мифологии» [20, с. 1164].

Из этого (довольно-таки неопределенного) разъяснения, на наш взгляд, все-таки невозможно установить, отрицается требование признавать в качестве научного только объективно обоснованное знание, или не отрицается. Авторы хотят удержать одновременно и то, и другое. Но что несомненно в этом разъяснении, так это то, что они рассматривают не столько сам эпистемологический принцип, сколько ту эмпирическую реальность, в которой реализуется всякое познание, в том числе и научное, в процессе его исторического развития. Однако эпистемология, как уже отмечалось выше, не является эмпирической наукой, исследующей реальные процессы познания. Она представляет собой саму регулятивную идею науки, которой должны придерживаться ученые, но которой в реальности они, конечно, придерживаются не всегда и не во всем. Последнее несомненно, но на саму регулятивную идею никакого влияния оно иметь не должно. Но именно этот момент, на наш взгляд, не полностью осознается авторами рассматриваемой концепции, и во всех остальных трех «отрицаниях», которые они описывают, прослеживается все то же самое смешение сущего и должного.

«Отказ от фундаментализма», — постулируются далее, — связан с обнаружением изменчивости познавательных норм, невозможности формулировать жесткие нормативные предписания развивающемуся познанию. Попытки отделять знание от незнания с помощью

таких предписаний, предпринятые в науке XX в., в частности логическим позитивизмом и операционализмом, оказались несостоятельными. В современной науке существуют разные реакции на эту ситуацию. Одни считают возможным говорить об отказе от эпистемологии как философской дисциплины. Так, например, некоторые последователи позднего Л. Витгенштейна, исходя из того, что в быденном языке слово «знать» употребляется в нескольких разных смыслах, не видят возможности разработки единой эпистемологии. Другие (например, Р. Рорти [12]) отождествляют отказ от фундаментализма с концом эпистемологии и с вытеснением ее исследований философской герменевтикой. Другие философы (а их большинство) считают возможность дать новое понимание этой дисциплины и в этой связи предлагают разные исследовательские программы. Одна из них выражена в программе «натурализованной эпистемологии» У. Куайна [6]. Согласно последнему, научная эпистемология должна полностью отказаться от выдачи предписаний, от всякого нормативизма и свестись к обобщению данных физиологии высшей нервной деятельности и психологии, использующей аппарат теории информации» [20, с. 1164].

Позволительно однако спросить того же Куайна, как и упомянутых ученых, на основе какой эпистемологии они собираются создавать новую эпистемологию? Иначе говоря, каким нормативам они будут следовать в самом создании новых нормативов? Все такого рода «научные» программы, на наш взгляд, являются плодами элементарного недоразумения и непонимания того факта, что эпистемология **лежит в основе любой науки**, а не является (и не может являться) **результатом** какой-то особой науки, тем более эмпирической. Любая эмпирическая теория познания обязана **заранее** руководствоваться определенной эпистемологией, чтобы ее результаты имели характер именно научного знания, а не чего-либо иного.

«Отказ от субъектоцентризма» в рассматриваемой концепции трактуется следующим образом. «Если для классической эпистемологии, — пишут авторы, — субъект выступал как некая непосредственная данность, а все остальное вызывало сомнение, то для современной эпистемологии проблема субъекта является принципиально иной. Познающий субъект

понимается в качестве изначально включенного в реальный мир и систему отношений с другими субъектами. Вопрос не в том, как познать познание внешнего мира (или даже доказать его существование) и мира других людей, а в том, как объяснить генезис индивидуального сознания, исходя из этой объективной данности. В этой связи важные идеи были высказаны выдающимся отечественным психологом Л. Выготским, согласно которому внутренний субъективный мир сознания может быть понят как продукт межсубъектной деятельности, включающей коммуникацию [5]. Субъективность, таким образом, оказывается культурно-историческим продуктом. Эти идеи были использованы в ряде отечественных разработок проблем эпистемологии (при таком понимании снимается различие двух современных подходов в разработке эпистемологии: взаимодействующего с психологией и опирающегося на культурно-исторический подход). Они были также подхвачены и соединены с идеями позднего Л. Витгенштейна рядом западных специалистов в области эпистемологии и теоретической психологии, предложивших коммуникативный подход к пониманию **Я**, сознания и познания (Р. Харре и др.). Коммуникативный подход к пониманию субъекта, оказавшийся весьма плодотворным, вместе с тем ставит ряд новых для эпистемологии вопросов: возможно ли познание без **Я**? не ведет ли коммуникативное взаимодействие исследователя и исследуемого при изучении психических процессов к созданию тех самых явлений, которые изучаются?» [20, с. 1165].

На примере этих высказываний, на наш взгляд, особенно хорошо видно, что авторы просто смешивают собственно **эпистемологическую** постановку вопроса с **психологической** и **культурологической**, и пытаются подменить эпистемологию этими эмпирическими науками. Эпистемологическая установка, в частности, требует, чтобы любые научные теории (в том числе и психология с культурологией) не принимали в качестве своих исходных понятий, аксиом и постулатов ничего, что не являлось бы очевидно ясным, понятным и несомненным. С другой стороны, она требует, чтобы любые эмпирические теории не противоречили установленным фактам. Ничего о самом происхождении психики, ее развития у реальных эмпирических индивидов и их коммуни-

кации между собой эпистемология не утверждает, оставляя все эти вопросы на исследование самих эмпирических наук, желающих быть именно науками, а не произвольными фантазиями. И к каким бы выводам эти науки не пришли, их выводы никак не могут изменить те эпистемологические требования, которым они обязаны подчиняться в процессе своих изысканий.

Наконец, «отказ от наукоцентризма» в рассматриваемой концепции разъясняется следующим образом. «Наука, — отмечают авторы, — является важнейшим способом познания реальности. Но не единственным. Она принципиально не может вытеснить, например, обыденное знание. Для того чтобы понять познание во всем разнообразии его форм и типов, необходимо изучать эти до-научные и вне-научные формы и типы знания. Самое важное при этом то, что научное знание не просто предполагает эти формы, но и взаимодействует с ними. Это было хорошо показано, в частности, при изучении обыденного языка в философии Л. Витгенштейна и его последователей. Например, сама идентификация предметов исследования в научной психологии предполагает обращение к тем явлениям, которые были выделены здравым смыслом и зафиксированы в обыденном языке: восприятие, мышление, воля, желание и т.д. То же самое в принципе относится и ко всем другим наукам о человеке: социологии, филологии и др. Подобные идеи развивал и Э. Гуссерль в поздних работах, когда пытался показать, что ряд проблем в современной науке и европейской культуре являются следствием забвения укорененности исходных абстракций научного познания в обыденном жизненном мире. Наука не обязана следовать тем разграничениям, которые осуществляет здравый смысл. Но она не может не считаться с ними. В этой связи взаимодействие обыденного и научного знания может быть уподоблено отношениям между разными познавательными традициями, которые взаимно критикуют друг друга и в этой критике взаимно обогащаются (сегодня, например, идет острая дискуссия по вопросу о том, насколько нужно учитывать данные народной психологии, зафиксированные в обыденном языке, в когнитивной науке)» [20, с. 1165-1166].

Верно, конечно, что наука не единственная форма, в которой реализуется познание человеком окружающего мира и самого себя, верно

и то, что науке не возбраняется взаимодействовать с этими иными формами познания и пользоваться их интеллектуальными продуктами, но все это никак не может повлиять на **принципы**, которыми руководствуется сама наука в производстве объективно обоснованного знания, как не может и вынудить ее отказаться от этих своих «классических» принципов и заменить их какими-нибудь «неклассическими». В таком случае она просто перестанет быть наукой и превратится во что-то совершенно другое.

В целом же, мы можем сказать относительно этой (безусловно интересной) концепции, что в ней происходит некоторое смешение собственно эпистемологического подхода к познанию с подходами, свойственными различного рода **эмпирическим** наукам, особенно — с социологией знания, когнитивной психологией, культурологией, антропологией и т.д. И новые достижения в этих эмпирических науках, ставящие под сомнение некоторые прежние их собственные теории, принимаются за достижения в какой-то новой («неклассической») эпистемологии. Однако все эти новые достижения совершались и совершаются на базе **классической эпистемологии**, принципы которой установлены отнюдь не позитивистами и даже не учеными XVII в., а задолго до них — в классических системах Платона и Аристотеля. Ничего нового с тех пор, к сожалению, в эпистемологии не возникло, хотя эмпирическая теория познания и продвинулась с тех пор далеко вперед.

Подводя же итог рассмотрения всех затронутых в данной работе вопросов, мы можем сформулировать следующие краткие выводы. Прогностическая функция социальных наук составляет основу их общественной ценности, так как именно она обуславливает их применение в общественной практике. И нормальное развитие, и функционирование любого современного общества уже невозможно без развития этих наук. Однако, в последнее время социальные науки, с одной стороны, испытывают нарастающую конкуренцию со стороны различного рода ненаучных форм знания, а с другой, — переживают и некоторые процессы ослабления их «эпистемологического иммунитета», что проявляется, в частности, в появлении и укреплении позиций так называемой неклассической эписте-

темологии, претендующей на то, чтобы заменить собой те регулятивные принципы научного познания, на основе которых оно развивалось в прошлом.

Предпринятый анализ этих концепций дает, на наш взгляд, основания полагать, что никаких новых эпистемологических принципов, по сути, никем не предлагается (если не считать явно иррациональной установки Фейерабенда, к которой большинство ученых относятся скептически), но в качестве таковых предлагаются некоторые достижения эмпирических наук и, в особенности, социологии познания, когнитивной психологии, культурологии и антропологии. Однако достижения этих наук, что называется, по определению не могут обладать эпистемологическим статусом и не обладают им. Поэтому все такого рода концепции являются, на наш взгляд, как минимум, чрезвычайно спорными.

Единственным основанием для утверждений о появлении (или возможности) некоего нового типа рациональности (или о некотором развитии в собственно эпистемологии) может служить, на наш взгляд, тот успех, который выпал на долю «Неевклидовой геометрии» в математике и «Общей теории относительности» в физике (механике). Только в этих теориях можно отметить некоторое явное нарушение классического принципа интуитивной очевидности основ научной теории, лежащего в основе классической эпистемологии. Однако научный статус этих знаменитых теорий все еще продолжает оспариваться при всем очевидном их **прагматическом** успехе. И поэтому вопрос о возможности «неклассической эпистемологии» может считаться в известной мере дискуссионным.

Литература

1. Barber B. Science and the Social Order. New York: Free Press, 1952.
2. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
3. Callon M. Four models for the dynamics of science // Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by S. Jasanoff et al. London; Thousand Oaks: Sage, 1995. P. 29-63.
4. Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология науки. - М.: Издательство МБА, 2011.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. - М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.
6. Куайн У. Философия логики / Перевод В. А. Суровцева - М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. - 192 с.
7. Кун Т. Структура научных революций - М.: Издательство «Прогресс», 1977;
8. Мамедов А. К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) // Социология. - 2016. - № 3. - С. 8-19.
9. Мамедов А. К. Самопрезентация социологии в научном знании // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. - 2016. - № 2.
10. Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» // Кун Т. Структура научных революций - М.: Издательство «Прогресс», 1977. - С. 282-285.
11. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004;
12. Рорти, Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе, И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. - М.: УРСС, 2001.
13. Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - С. 565.
14. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. - М., 2003;
15. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). - М., 2000;
16. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. - М., 2006;
17. Степин В.С. Цивилизация и культура. - СПб., СПбГУП, 2011
18. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. И.С. Нарский. - М.: Прогресс, 1986
19. Флек Л. Возникновение научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.
20. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - С. 1160-1166.

